

Екатерина РУДИК

ЖИТЬ БОЛЬШЕ НЕТ СИЛ

**Книга белая.
Молюсь за тех и за других**

На звонки в дверь квартиры № 37 бывшего крайкомовского дома на ул. Запарина никто не откликался. Впрочем, звонков было и не столь много за последние дни. Но когда дверь не открыли и почтальону, доставившему в назначенное время пенсию, соседи заволновались: 75-летняя Рита Львовна жила одиноко, болела и уже давно не выходила из дома. Уехать она не могла, ибо на всем белом свете нет у нее родных. Навещали ее две приятельницы. Они не без робости, в предчувствии непоправимого открыли дверь пенсионерки и ужаснулись.

Рита Львовна бездыханно лежала в глубокой коме, исхудавшая, неузнаваемая. Рядом на стуле – пузырьки из-под транквилизаторов, опрокинутый стакан, рассыпанные таблетки. На столе белел клочок бумаги: «Жить больше нет сил». На редкость быстро прибыла машина «скорой» помощи. Врачи сообщили: «Успели вовремя, еще жива». Больную направили в реанимационное отделение.

Почти месяц Рита Львовна находится на излечении в больнице и уже пошла на поправку. Напоминание о попытке самоубийства ей неприятно. Лежит, отвернувшись к стене, и думает свои думы, в разговор не вступает. Что же побудило престарелую женщину к столь страшному решению – покончить счеты с жизнью? По мнению тех, кто ее хорошо знал, причины лежат на поверхности – одиночество, усталость от бессильной борьбы с болезнями, надвигающейся нищетой, трагическое осознание ненужности, бессмысленности своего существования.

Случай суицида стариков в наши дни - уже не редкость. Сама по себе старость с ее сединой, немощью – не подарок. А если она протекает в заброшенности, скудном жизнеобеспечении – это поистине ежедневное сражение с самим собой и за себя. Но когда было такое на Руси, чтобы старый человек накладывал на себя руки? Страдай, мучайся, но терпи, носи свой крест до конца - такова воля Божья. То, что издревле считалось смертным грехом, для нынешних пенсионеров никакого табу не представляет. Об этом все настойчивее и тревожней напоминает статистика: черная палитра самоубийц – людей без определенного места жительства, должников, преследуемых кредиторами, - настойчиво пополняется стариками. Не богобоязненными старушками в платочках, а теми, в чьих гардеробах сохранились побитые молю, когда-то супермодные шляпки, а книжные стеллажи забиты классической литературой.

Это обедневшие в процессе несчастных реформ когда-то благополучные люди с высшим образованием, которое, заметьте, всегда являлось эмблемой полноценности человека.

Так вот, Рита Львовна – архитектор и весьма крупного ранга. «Она даже пенсию больше получала, – недоумевали соседи, узнав о беде. – Ей доплачивали 200 рублей». И, тем не менее, совокупный доход был невелик, половина прожиточного минимума. Его не хватало на лечение болезни глаз, – Рита Львовна катастрофически теряла зрение, на сиделку – отказали ноги, и без чужой помощи передвигаться уже не могла. А главное, как сказали сослуживцы, построенный ею, интеллектуалкой, мир, столь организованный и гармонизированный, рухнул. Она отключила телевизор, перестала слушать радио, – все окружающее стало зыбким, вторичным. Учиться жить в трагическом мире, приноравливаться к нему она не пожелала.

Дух разбитых надежд с особой остротой коснулся интеллигенции, оказавшейся на голодном пайке. Многообразие неутоленных духовных интересов, неостребованность широких познаний по причине почтенного возраста, унылое пенсионное содержание – все это резко снизило уровень их душевного комфорта.

По классической модели социолога с мировым именем Дюркгейма, число самоубийств напрямую зависит от сплоченности той среды людей, среди которых живешь, доброй, живительной силы людских контактов. Как известно, оказавшись на заслуженном отдыхе, человек остается один на один со своими проблемами, когда твой мир совсем недавно такой светлый, просторный суживается, блекнет.

Спасительное начало, когда в согласии, мире встречает старость супружеская пара. Однако только в добрых русских сказках утверждается: «Они жили счастливо и умерли в один день». Реальная жизнь преподносит иные заключительные аккорды, – безвременная утрата одного из супругов, в основном мужчин, стала явлением печально обычным.

А когда ты одинок, немощен, и смущенно – в который уж раз – просишь соседей купить хлеба да картошки, а по вечерам – тишина, никто не позвонит дверь. И так день за днем, год за годом. Вот где подступает отчаяние, тоска. «Утром откроешь глаза, и мысль подкрадывается, зачем проснулась», – такое признание мне приходилось слышать от своей престарелой соседки, бывшего педагога.

Тот же социолог Дюркгейм отмечал, что более склонны к попытке суицида самые образованные, независимые люди, интеллектуалы с нестандартным взглядом на ценности жизни. Крушение идеалов, смена политического строя, раздражающе высокие цены и пустой кошелек вырывают до источника душевной боли.

Социально-стрессовые расстройства имели место в более-менее благополучной «застойной» давности. Но по другим причинам: не повысили с зама в завы, не подписали характеристику в загранпоездку. Пенсионер же находился в привилегированном положении – лекарства, лечение бесплатно, как и путевка на санаторно-курортное лечение, месячной пенсии хватало на авиабилет до Риги, чтобы навестить детей. А уж письма – милое дело для интеллигента, писались друзьям пачками. В них, в эпистолярном стиле, как и в любом творчестве – доверительный простор для самовысвобождения от всего, что беспокоит, тревожит.

Ничего этого нынче нет – ни путевок, ни бесплатных лекарств, а пенсия, как проиндексировали ученые-экономисты, в три раза меньше прежней. И детям издалека вряд ли по средствам не то что навестить, а проводить в последний путь родителя. Да и поплакаться далеким друзьям о своих заботах накладно: стоимость конверта – это буханка хлеба, а в страны СНГ – целых две буханки. Весь этот грустный букет – невысказанность, разобщенность, душевная тяжесть – может обернуться депрессией, тяжелыми невротами. Жизненные невзгоды влекут за собой психическое нездоровье. Казалось бы, для кого-то пустяк – коммунальная реформа 1997 года. Столичные же социологи подсчитали, что эта злая реформа явилась спусковым зарядом: на 30 процентов повысилось число самоубийств среди пенсионеров.

Анализ подобной зависимости между рывками страны к рынку и душевным самочувствием хабаровчан не в компетенции судмедэкспертов Хабаровского краевого бюро. Они лишь констатируют, что число неестественной (насильственной) смерти, в том числе суицидов за последние десять лет возросло почти втрое. Известно также, что в динамике смертей самоубийства входят в первую пятерку. В 1997 году в краевом центре покончили счеты с жизнью 446 хабаровчан, из них 102 пенсионера, в том числе 30 женщин. 1989 год дал горестную «прибавку»

людей преклонного возраста. Добровольно ушли из жизни 127 пенсионеров, это более 30 процентов всех самоубийств, происшедших в Хабаровске.

Кстати, 65 лет подряд, до самой перестройки статистика по суицидам в России была строго засекречена с мотивировкой «социальные условия для подобного явления ликвидированы». Нынче этих негативных социальных условий – полный набор, однозначно свидетельствующий: жизнь идет от плохого к худшему.

Идеальная терапия – окружить пенсионера заботой, дать средства для достойного существования. Но это из области мечтаний. Потому, как это ни больно, нужно готовиться не к легкой старости. В критические минуты человек своей волей может стать лучшим собственным психотерапевтом, не доводя себя до грозного конца, и, памятуя о простой и мудрой истине, звучавшей как приказ свыше: Бог дал - Бог взял.

(1999 г.)

Интернет-ресурс: екатерина-рудик.рф